

Чибук А.В.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (на материале СМИ Германии)

В последнее время массовая экспансия печатных средств массовой информации (СМИ) усилила интерес языковедов к газетной коммуникации как могущественному средству влияния на читательскую аудиторию. Публицистику называют летописью современности. Публицистический стиль на современном этапе развития печатных СМИ наиболее оперативно откликается на нужды общества, вбирает и отображает богатство языковых тенденций, составляет открытую зону для языковедческих исследований, чем привлекает внимание многих отечественных и зарубежных ученых. Современный газетный текст в полной мере отражает не только перемены, происходящие в общественно-политической и социально-экономической жизни, но и, что особенно важно для лингвистических исследований, изменения в языке.

Публицистический стиль характеризуется большой эмоциональностью и оценочностью. По своей сути публицистика призвана активно вмешиваться в жизнь общества, формировать общественное мнение. Основные функции публицистического стиля – воздействие и сообщение [6]. Взаимодействие этих двух функций и определяет употребление слова в публицистике.

По определению Е.С. Щелкуновой, публицистический текст – «знаковый комплекс, сориентированный на взаимодействие автора и массовой аудитории для обмена актуальной социальной информацией, представлениями, мнениями и максимально актуализирующий потенциал текстовой динамики» [10, с. 118]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что публицистический текст «погружен в жизнь», «он существует только тогда, когда существует сама жизнь, он обращен не в прошлое и не может накапливать историю, а существует в настоящем» [1, с. 137].

Отражение действительности в текстах является важной задачей журналиста, но публицистика по природе своей предполагает осмысление, оценку этих фактов, и, следовательно, присутствие автора в тексте. Читая современный публицистический текст, читатель не только становится очевидцем описываемых

событий, но и видит текстовое отражение авторской личности, его самосознания, позиции, творческой индивидуальности. Так, публицистический текст, по мнению Е.С. Щелкуновой, «всегда является «авторским», независимо от того, насколько явно субъект высказывания присутствует в ткани текста. Читатель получает в нем факты и их интерпретацию, даже если она будет выражаться просто в отборе информации. С этой особенностью связано наличие скрытой или явной оценочности публицистического текста» [10, с. 79].

Понятия «автор», «образ автора» являются ключевыми в современном языкознании, поскольку на первый план выдвинулась антропоцентрическая парадигма исследований. В литературоведении прочно закрепился термин «образ автора», введенный В.В. Виноградовым, который в основном применяется в связи с интерпретацией художественных произведений. Категория образа автора является одним из компонентов субъектной организации текста. «Понятие образа автора, будучи неточным с точки зрения точных наук, оказывается достаточно точным для литературоведения, если принять представление об особом характере точности в художественном творчестве. Образ автора, естественно, создается в литературном произведении речевыми средствами, поскольку без словесной формы нет и самого произведения, однако этот образ творится читателем. Он находится в области восприятия, восприятия, конечно, заданного автором» [2, с. 101].

Следует заметить, что термины «образ автора» в художественной литературе и «автор» в публицистике обнаруживают существенные различия. Для публицистики важен не образ автора, а автор как конкретная личность, его взгляды, общественная позиция, даже личные качества. Если в художественной литературе лицо, от которого ведется повествование, и автор принципиально неотожествимы, то в публицистике нет посредствующих звеньев между автором и текстом. Г.Я. Солганик понимает категорию «автор» как пучок отношений, в котором главными являются «отношение к действительности и тесно связанное с ним отношение к тексту (речи)» [6, с. 6]. Итак, образ автора в журналистском произведении близок к «реальному лицу», пристрастному в своем отношении к действительности.

Категория образа автора тесно связана с категорией модальности. Изучение модальности в отечественной лингвистической традиции заложено в трудах В.В. Виноградова, причислившего эту категорию к числу основных, центральных языковых категорий. Традиционно выделяют два вида модальности – объек-

тивную и субъективную. «Если объективно-модальное значение выражает характер отношения сообщаемого к действительности, то субъективно-модальное значение выражает отношение говорящего к сообщаемому» [4, с. 114]. Следует уточнить, что, говоря об образе автора, мы имеем в виду субъективную модальность.

Различают огромное количество субъективно-модальных значений. Так, например, модальность уверенности возникает тогда, когда говорящий/пишущий абсолютно уверен, что обладает достаточными знаниями о событиях, фактах, имеющих место в жизни, и претендует на полное знание о предмете речи. Модальность неуверенности возникает тогда, когда говорящий не обладает достаточными знаниями о событиях и понимает, что его сообщение может оказаться недостоверным. Рассматривая модальность неуверенности, выделяют также частные модальные значения предположения, сомнения, кажимости, вероятности [5; 8; 9]. Опираясь на суждение И.Р. Гальперина о том, что субъективная модальность может быть выражена «формально грамматическими, лексическими, фразеологическими, синтаксическими, интонационными, композиционными и стилистическими средствами» [4, с. 113], можно сделать вывод о том, что авторская модальность может быть выражена с помощью средств различных языковых уровней. Таким образом, говорящий/пишущий, используя модальные компоненты различной семантики, обнаруживает тем самым свое авторство модальных оценок, одновременно с их помощью раскрывает свое личное отношение к характеризваемым явлениям, событиям, персонажам, действующим в произведении, к себе – собственным мнениям, предположениям и др.

В современной лингвистике средствами выражения субъективной модальности принято считать личные местоимения, вводно-модальные слова и частицы, вводные словосочетания, вводные предложения, повторы, междометия, тропы, интонацию, словопорядок, специальные синтаксические конструкции. Перечисленные средства выражения модальности способствуют манифестации личности автора, его мировоззрения, эмоционального настроения и вместе с тем выполняют коммуникативную функцию воздействия на сознание адресата. Субъективная модальность имеет средства выражения на всех уровнях организации текста.

На морфологическом уровне основными средствами выражения субъективной модальности являются *личные местоимения, модальные слова, модальные глаголы и модальные частицы*.

Личные местоимения *ich*, *wir* часто используются журналистами для создания особого типа повествования, которое необходимо для того, чтобы объяснить читателю, чем определен выбор той или иной проблемы, дать свое понимание последней, представить возможные способы ее решения и, наконец, для установления диалога с читателем, превращения его в соавтора.

«*Juristen wissen, dass hinter der 1933 erfolgten Ausdehnung der Straftatbestand der angebliche Kampf gegen «Schiebertum und Korruption» stand, weiter gehende Zusammenhänge bleiben aber, soweit ich sehe, unerwähnt...»* [Die deutsche Untreue // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2010. 10. September. S. 33].

Используя местоимение 1-го лица единственного числа *ich*, автор высказывания акцентирует свою личную позицию: в контексте статьи он проводит параллели между существовавшим во времена нацизма «Законом об измене» и недавними событиями, связанными с громким процессом над банковскими служащими, которые оказались замешанными в афере по выдаче спорных кредитов. Кроме того, местоимение *ich* употреблено во вводной конструкции, которая имеет характер попутного замечания самого автора.

«*Untreue in Deutschland ist ein strafrechtliches Delikt. Das haben wir spätestens in den letzten Wochen nach dem spektakulären Urteil des Bundesverfassungsgerichts zum Berliner Bankenprozess gelernt...»* [Die deutsche Untreue // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2010. 10. September. S. 33].

В приведенном примере субъективная модальность выражена местоимением 1-го лица множественного числа *wir*: У читателя употребление этого местоимения вызывает чувство доверия к автору, к его мнению: «автор - один из нас».

Иногда для выражения субъективной модальности используются падежные формы личных местоимений, а также притяжательные местоимения.

Основная функция модальных слов - это выражение субъективно-модальных значений. Модальные слова характеризуют высказывание с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к предмету речи. В рамках данной статьи мы рассмотрим только модальные слова со значением уверенности или неуверенности говорящего.

Текстовая модальность уверенности-неуверенности манифестируется при порождении текста. Уверенность или неуверенность автора в истинности сообщаемого всегда воспринимаются читателем и во многом влияют на степень эффективности высказывания. Поэтому журналист использует целый репертуар речевых средств для репрезентации этой категории.

Для выражения модальности уверенности в немецком языке используются следующие вводно-модальные слова: *natürlich, selbstverständlich, genau, unbedingt, sicher, gewiss, zweifellos, zweifelsohne, sicherlich, offenbar, offensichtlich, höchstwahrscheinlich, ganz klar, ohne jeden Zweifel, eventuell*. Приведенные вводно-модальные слова выражают разные оттенки уверенности – категорическую уверенность, безальтернативность, предсказуемость, нормативность. Кроме того, значение уверенности часто может передаваться модальными фразами, типа *ich bin sicher, ich zweifle daran nicht, ich weiß, allem Anschein nach, aller Wahrscheinlichkeit nach* и т.д.

«Sarkozy ist sich **sicher** bewusst, was er da für ein Wagnis eingeht. Denn nicht nur muss er die politische Verantwortung für die Pensionsreform tragen, er läuft auch Gefahr, die in Frankreich zwar traditionell starke, aber zersplitterte Linke gegen den gemeinsamen Feind zu konsolidieren...» [Alexander U. Mathé. Nicolas Sarkozy will in Frankreich das Gesetz der Straße brechen. // <http://www.wienerzeitung.at>].

Модальное слово *sicher* в цитируемом предложении реализует значение уверенности, которое основывается на пресуппозициях автора. Это значение в приведенном примере имеет оттенок предсказуемости.

«Die Schweiz, auch föderal gegliedert, schafft es **offensichtlich**, die Idee des Bildungsföderalismus produktiv umzusetzen. **Wir** bisher genau so **offensichtlich** nicht» [Klaus Kinkel. Mehr Zentralismus // <http://www.faz.net>].

В данном высказывании авторская модальность уверенности с оттенком предсказуемости выражена модальным словом *offensichtlich*. Клаус Кинкель, бывший министр иностранных дел ФРГ, основываясь на своем опыте и знании проблемы, говорит о том, что система образования в Германии, в отличие от Швейцарии, еще не перестроена. Употребляя местоимение *wir*, автор отождествляет себя с другими гражданами Германии.

Следующие вводно-модальные слова являются маркерами значения неуверенности: *wahrscheinlich, möglich, möglicherweise, scheinbar, wohl, vielleicht, vermutlich, anscheinend, angeblich, kaum, wohl kaum, unwahrscheinlich, schwerlich, fraglich, ungewiss, unsicher*. Это же значение несут и следующие модальные фразы: *ich vermute, man erwartet, man rechnet auf, es scheint mir, ich zweifle, ich bin der Annahme, mein sechster Sinn sagt mir* и т.д.

«**Vielleicht** wäre man auf die kurdischen Demonstranten aufmerksam geworden, wenn sie ihren Slogan auf Deutsch gerufen hatten. «Jetzt reicht's!». Doch **wahrschein-**

lich ist das nicht» [Marcel Rosenbach, Daniel Steinvorth. Angriff am Ararat // Der Spiegel. 2008. №29. S. 20].

Так, в цитируемом тексте субъективная модальность автора выражается с помощью модальных слов *vielleicht* и *wahrscheinlich*. Автор высказывает предположение о том, что демонстранты могли бы привлечь к себе внимание при определенных условиях. Сомнение автора в реализации пропозиции подтверждается введением второго модального слова с семантикой неуверенности *wahrscheinlich*.

Субъективная модальность в следующем примере репрезентована модальным словом *kaum*. Основываясь на знании предшествующей политической ситуации, автор выражает сомнение: госчиновники вряд ли могут понять, что контакт между министром иностранных дел Штайнмайером и Ангелой Меркель теснее, чем в свое время был между Герхардом Шредером и Йошкой Фишером:

«Dabei hatten es langgediente Beamte in der Führungsetage der Auswärtigen Amts zu Beginn der Großen Koalition kaum fassen können: Steinmeiers Kontakt zur Kanzlerin war enger als der zwischen Gerhard Schröder und Joschka Fischer...» [Ralf Beste, Dirk Kurbjuweit. Kampf der Zauderer // Der Spiegel. 2008. №29. S. 25].

Модальные глаголы, наряду с наклонениями, являются ведущими средствами выражения модальности в немецком языке. Уже по своему основному значению они существенно отличаются от других глаголов, передавая четко ограниченную группу значений, близких по значениям наклонений, хотя и не тождественных им. Как и наклонения, модальные глаголы выражают бесспорность, возможность, вероятность, желание, необходимость, повеление, сомнение и т.п., но выражают их более дифференцированно.

Модальные глаголы немецкого языка *wollen, sollen, müssen, können, dürfen, mögen* наряду со своими основными значениями возможности, желательности, волеизъявления могут выражать также различные оттенки предположения и сомнения. При этом модальные глаголы *müssen* и *dürfen* (обычно в форме *dürfte*) выражают модальный оттенок предположения, граничащий с модальностью уверенности. Модальные глаголы *können* и *mögen* выражают сомнение, основанное на личных ощущениях автора. Частотны также устойчивые выражения *kann sein, mag sein*, имеющие оттенок допущения.

От основного значения глагола *wollen* «хотеть», «желать» в современном немецком языке отпочковалось значение сомнения или ссылки на чужое

ложное утверждение. Употребляя этот глагол, автор как бы снимает с себя ответственность за правдивость передаваемых слов.

Модальный глагол *sollen* выражает предположение с оттенком сомнения или недоумения. В этом значении глагол *sollen* часто выступает в вопросительных предложениях с отрицанием.

«*Das Schicksal des Gesetzentwurfes ist ungewiss. Wird das Gesetz verabschiedet, **könnten** die Vereinigten Staaten auf chinesische Importgüter Ausgleichszölle erheben...*» [Gibt es bald Strafzölle für Produkte aus China? // <http://www.faz.net>. 29.09.2010].

Модальный глагол *können* в приведенном контексте, кроме своего основного значения возможности, имеет оттенок допущения. Здесь явно прослеживается мнение самого автора: если закон будет принят, Соединенные Штаты, вероятно, смогут повысить таможенные пошлины на китайские товары.

Модальные частицы выявляют прагматическую направленность высказывания. Они помогают понять цели и намерения говорящего, его эмоциональную оценку содержания высказывания, его ожидания, которые он связывает со своим партнером по коммуникации. К модальным частицам, выражающим значение сомнения, относятся *eigentlich, denn, doch*; значение предположения – частица *wohl*.

«*Marthashof war das Lieblingsprojekt der Gentrifizierungsgegner. Doch diese Schlacht ist **wohl** ebenso verloren wie die gegen Schwaben im Stadtteil Prenzlauer Berg...*» [Mechthild Küpper. Warm, aber sexy. // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2010. 10. September. S. 8].

Модальная частица *wohl* выражает здесь предположение с высокой степенью вероятности. Автор делает это предположение, основываясь на объективных данных – борьба противников гентрификации (строительства жилых кварталов для людей с равными социальными, экономическими и этническими возможностями) проиграна.

На лексическом уровне субъективная авторская модальность выражается в основном тропами – метафорой, иронией, сравнением. Кроме того, выделяется негативнооценочная, позитивнооценочная и модальнооценочная лексика [7, с. 56].

«*Große Duelle beginnen manchmal recht freundlich. «Lassen Sie mich **vielleicht**», **flötete** Jens Plötner vom Auswärtigen Amt, „noch kurz die Ausführungen des*

Kollegen ergänzen» [Ralf Beste, Dirk Kurbjuweit. Kampf der Zauderer. // Der Spiegel. 2008. №29. S. 24].

Использованный в данном примере глагол *flöten* (играть на флейте) приобретает в контексте статьи модальнооценочное значение «заливаться соловьем».

В приведенном ниже высказывании субъективная авторская модальность выражена метафорой *niedrige Beweggründe* (низкие побуждения) и негативнооценочным наречием *heimtückisch* (коварный, вероломный).

«*Die heute 58 Jahre alte Becker habe gemeinschaftlich mit anderen „aus niedrigen Beweggründen und heimtückisch drei Menschen getötet...*» [Anklage: Heimtückisch drei Menschen getötet // <http://www.faz.net>. 30.09.2010].

Очень часто авторы используют ироническую окраску для выражения своего негативного отношения к описываемым событиям:

«*Für Kanzlerin Angela Merkel verlaufen Treffen mit den Spitzenpolitikern der führenden Industrienationen meist äußerst angenehm. Frankreichs Staatschef Nicolas Sarkozy begrüßt sie liebevoll mit Küsschen links, Küsschen rechts, US-Präsident George W. Bush massiert ihr freundschaftlich den Nacken...*» [Roland Nelles, Wolfgang Reuter. Atomkraft – noch lange? // Der Spiegel. 2008. №29. S. 32].

В широком контексте статьи речь идет о готовящейся энергетической реформе, которая вызывает много вопросов у граждан страны и рассматривается как предвыборный ход Ангелы Меркель. Поэтому автор с иронией говорит о дружеских отношениях глав государств: Николя Саркози приветствует Ангелу Меркель «поцелуйчиками» в обе щеки, а Джордж Буш по-дружески массирует ей шею.

На синтаксическом уровне субъективная авторская модальность выражается при помощи модальных фраз, вставных предложений, нарушенным словопорядком (инверсией), парцелированными конструкциями, синтаксическими конструкциями, в которых сочинительные и подчинительные союзы находятся после точки (так называемые разрывы), предложениями с обособленными членами предложения, синтаксическими конструкциями с усилением отрицания, синтаксическими повторами (анафора, эпифора), синтаксическими конструкциями с многоточием и др.

Для акцентирования наиболее важных, по мнению автора, частей высказывания часто используется инверсия.

«Der Politik die Schuld an diesen Entwicklungen zu geben ist bequem und weitverbreitet...» [Sabine Kunst. Es gibt zu wenig akademische Einwanderung. // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2010. 15. September. S. 5].

Изменение расположения слов в приведенном примере способствует акцентированию внимания читателей на том, что удобнее и привычнее во всех бедах обвинять политику. (Речь в статье идет о том, что все больше граждан Германии в поисках работы уезжают в другие страны.)

Нередко для выражения авторского «Я», актуализации важной мысли, изменения эмоционального настроения, передачи неожиданной устойчивой концентрации мысли на новом предмете, в публицистических текстах используется парцелляция. В некоторых случаях парцелляции подвергаются сложноподчиненные предложения.

*«Die hohe Bleibereitschaft ausländischer Absolventen ist ein Kompliment an die deutschen Hochschulen. **Deren** Ausbildungs- und Betreuungsleistung, die auch mit Hilfe des DAAD in den letzten Jahren ganz erheblich verbessert wurde, vermag offensichtlich zu überzeugen...»* [Sabine Kunst. Es gibt zu wenig akademische Einwanderung. // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2010. 15. September. S. 5].

Данная конструкция представляет собой единое синтаксическое целое – сложноподчиненное предложение с придаточным, поясняющим основную часть предложения. Намеренный логический разрыв – отделение придаточной части от главного предложения – способствует сосредоточению взгляда читателя на авторской позиции.

Итак, категория субъективной модальности отвечает за «авторскую» логику. Автор стремится не только заострить внимание читателя на каком-либо важном факте, но и передать свое отношение к сообщаемому, что влияет на формирование читательских мыслей и умозаключений. Результатом творческого поиска становится персонификация публицистических текстов, в которых сам автор и его позиция становятся объектом интереса аудитории.

Перспективы данного исследования связаны с возможностью сопоставления средств реализации субъективной модальности и выражения образа автора в публицистике Германии и России.

1. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. *Валгина Н.С.* Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2004. 278 с.
3. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
4. *Гоголина Т.В.* Функционально-семантическое поле сомнительности в современном русском языке: автореф. дис.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 23 с.
5. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1977. 223 с.
6. *Солганик Г.Я.* Автор как стилеобразующая категория публицистического текста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. М., 2001. № 3.
7. *Солганик Г.Я.* Лексика газеты: (Функциональный аспект): учеб. пособие для вузов по специальности «Журналистика». М.: Высшая школа, 1981. 112 с.
8. *Тагильцева Ю.Р.* Субъективная модальность и тональность в политическом Интернет-дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 251 с.
9. *Чибук А.В.* Функционально-семантическое поле предположения в немецком и русском языках (сопоставительный аспект): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 226 с.
10. *Щелкунова Е.С.* Публицистический текст в системе массовой коммуникации: учеб. пособие. Воронеж: Родная речь, 2004. 194 с.